

Сергей Александров

Сестренка

Сергей Арамович Александров

Сестренка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73872461

ISBN 9785006982567

Аннотация

Книга о любимой сестренке: о ее веселой жизни, радости и успехе. От обычных семейных приключений до взросления и больших свершений. О чудесах, успехах, рассказах и историях. Все о любимой сестре.

Содержание

«Наше солнце и корни рода»	5
Наша любимая сестренка	10
Ее дар – ее речь	15
Мысль, ставшая действием	21
Наш общий свет	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сестренка

**Сергей Арамович
Александров**

© Сергей Арамович Александров, 2026

ISBN 978-5-0069-8256-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Наше солнце и корни рода»

Знаешь, есть такое выражение: «Самый лучший архитектор – это время». Оно берет кирпичики детства и строит из них наш характер, наши воспоминания, нашу душу. И если посмотреть на здание моей жизни, то два главных архитектора в нём – это моя старшая сестра и наша бабуля Надежда.

****Моя старшая сестра****

Мою сестру зовут... Впрочем, для меня она не просто по имени. Для меня она – моя первая нянька, мой второй голос, моя самая красивая и добрая воспитательница. Она закончила педагогический, и это не случайно: она умела находить подход к детям с самого детства.

Я, Серёга, был самым первым. Ей было всего шесть лет, когда я появился на свет, и она растила меня с пелёнок. Представляешь? Она кормила меня, качала, учила ходить. А потом один за другим пришли остальные: Зарина – самая первая внучка в семье, которую сестра буквально выносила на руках; за ней Гарик – второй внук, мальчишка непоседливый; потом Лера –

вторая внучка, родная и нежная; и наконец Карина – самая младшая из нас, пятая, третья девочка.

Пятеро нас, пятеро внуков, и каждого из нас моя сестра помнит маленьким, каждого нянчила, каждого любила. Она красивая – это видят все. Но главное – она добрая, по-настоящему, глубоко. Наверное, поэтому она и стала воспитателем: её сердце всегда было открыто для детей.

****Наша бабуля Надежда****

А ещё у нас есть бабуля Надежда. И здесь начинается история про старый дом.

Я часто вспоминаю тот дом – старый, деревянный, с большими окнами и скрипучими половицами. Именно там бабуля воспитывала Зарину. Помню, как они сидели на крыльце, бабушка рассказывала ей сказки, а Зарина слушала, раскрыв рот, и запоминала каждое слово. Бабуля учила её не просто слушать, а думать, чувствовать, понимать.

Наша бабуля – это продолжение ещё более глубоких корней. Её мама, наша прабабушка Зоя, была женщиной удивительной судьбы. От неё бабуле Надежде передалась та самая внутренняя сила и чистота. А сама бабуля... Если зайти к ней в дом, ты сразу всё поймёшь. Там идеальный порядок. Не вылизанный до стерильности, а живой, тёплый порядок. Каждая вещь на своём месте, пахнет чистотой, пирогами и ещё чем-то родным.

И доброта. Она живёт в каждом её жесте, в каждом взгляде. Бабуля никого не осудит, никого не оставит

без тёплого слова.

Но самое удивительное в ней – это её глубокое мышление. Она умеет смотреть в самую суть вещей. Бывало, придёшь к ней с проблемой, которая кажется горой, а она посмотрит своими мудрыми глазами, скажет пару фраз – и гора рассыпается в песок. Она видит жизнь не снаружи, а изнутри, чувствует людей, понимает их души. С ней можно молчать – и это будет самый глубокий разговор.

Вот такие они, наши женщины. Моя сестра, которая подарила нам детство, и бабуля Надежда, которая подарила нам корни. И пока они есть, мы – семья. Мы – дом.

Наша любимая сестренка

Знаешь, какое это счастье – быть старшим? Наверное, многие мечтают о младших братьях и сестрах, чтобы кого-то опекать, кого-то учить, кого-то жалеть. Но моя сестра родилась для этого. Она словно пришла в этот мир с уже готовым умением любить детей – всех подряд, каждого по-особенному.

Я помню её руки. У неё удивительные руки – тёплые, мягкие, с длинными пальцами. Эти руки умели всё: завязывать банты Зарине, лечить разбитые коленки Гарику, заплетать бесконечные косички Лере, качивать маленькую Карину. И мои вихры эти руки гладили, когда мне было страшно или грустно. Пятеро нас, пятеро, и каждому доставалось её тепло поровну, без остатка.

Она закончила педагогический, но, честное слово, ей не нужен был диплом, чтобы быть лучшим воспитателем на свете. Она просто умела с нами разговаривать. Не сюсюкать, не поучать свысока, а именно разговаривать, как с равными. Мы могли прийти к ней с любой ерундой, с любой обидой, и она никогда не отмахивалась. Она садилась рядом, обнимала за плечи

и слушала. По-настоящему слушала, вникая в каждую нашу детскую беду.

Зарину она научила читать. Я хорошо помню эти долгие вечера на крыльце старого дома, когда сестра терпеливо водила пальцем по букварю, а маленькая Зарина старательно складывала буквы в слоги. «Ма-ма, мы-ло, ра-ма», – тянула Зарина, а сестра сияла так, будто сама открыла новую звезду.

Гарика, нашего непоседу, она научила не драться. Вернее, не так: она научила его направлять силу в мирное русло. Когда он приходил с разбитым носом, она не ругала, а просто говорила: «Пойдем, умоемся. А теперь рассказывай, что случилось на самом деле». И Гарик рассказывал, и как-то само собой оказывалось, что кулаки – не самое главное в жизни.

Лера была тихой, задумчивой. С ней сестра могла часами сидеть молча, просто глядя на закат или на то, как падает снег. Она понимала, что Лере не нужны слова, ей нужно просто чувствовать кого-то рядом. И она была рядом – всегда.

А Карина, наша самая младшая, третья девочка и пятый внук, родилась, когда сестра была уже совсем взрослой. Но Карину она любила с какой-то особенной, щемящей нежностью. Наверное, потому что Карина была последней, завершающей наш детский хоровод. Сестра качала её в той же коляске, в которой когда-то качала меня, и напевала те же колыбельные.

Знаешь, я часто думаю: как ей это удавалось? Быть красивой, молодой, полной сил – и тратить всё это на нас, пятерых мелких? Не жалеть себя, не уставать, не раздражаться? Она никогда не повышала голос. Ни разу в жизни я не слышал, чтобы она на кого-то из нас крикнула. Даже когда мы разбили её любимую вазу (это был я, если честно), она просто вздохнула, собрала осколки и сказала: «Главное, что пальцы не порезал».

Она красивая. Это все говорят, когда видят её фотографии. Но настоящая её красота – в глазах. Когда она смотрит на детей, её глаза становятся особенными – глубокими, тёплыми, как летнее море. В них можно утонуть, можно спрятаться от всех бед. Мы, пятеро, все тонули в этом взгляде по очереди. И знаешь что? Мы до сих пор иногда тонем. Потому что для неё

мы навсегда останемся её маленькими Серёгой, Зариной, Гариком, Лерой и Кариной.

Наша любимая сестренка. Если бы меня спросили, кто такой ангел на земле, я бы просто показал её фотографию. Без слов.

Ее дар – ее речь

Есть люди, которые говорят много, но за их словами пустота. А есть те, кто скажет одно слово и в нём целый мир. Моя сестра из вторых. Ее дар это ее речь. Не просто умение складывать буквы в предложения, а настоящий талант находить те самые слова, которые нужны именно тебе, именно в эту минуту.

Когда я вспоминаю ее учение, я думаю не о школьных уроках и не о педагогическом институте, который она закончила с отличием. Хотя и это, конечно, важно. Но настоящее учение началось задолго до этого. Оно началось в нашем старом доме, где бабуля Надежда учила ее самому главному: не тому, что говорить, а тому, как слышать.

Я помню, как они сидели на кухне, бабуля Надежда и маленькая сестренка. Бабуля говорила негромко, неторопливо, а сестра ловила каждое слово. Слова, говорила бабуля, это как семена. Бросишь доброе вырастет сад. Бросишь злое вырастут сорняки. Выбери, что сеять. И сестра выбрала. Она на всю жизнь запомнила этот урок.

Потом были книги. О, как она любила читать. В старом доме у бабули был большой шкаф, доверху заполненный книгами. Сестра могла просидеть там целый день, перелистывая страницы, впитывая строки, запоминая обороты. Она читала классиков, поэтов, сказки. Особенно сказки. Наверное, поэтому, когда появились мы, пятеро внуков, ее сказки были самыми волшебными. Она не просто читала нам, она играла голосом, меняла интонации, делала паузы в самых захватывающих местах. Мы замирали и слушали, боясь дышать.

В педагогическом институте ее называли ходячей энциклопедией. Преподаватели удивлялись: откуда у этой девушки такая глубина, такая любовь к слову, такое понимание детской психологии? А она просто умела применять то, чему научилась у бабули и у книг. Она знала: с каждым ребенком нужно говорить на его языке.

Самая лучшая сторона ее дара в том, что она никогда не использовала слова во вред. Ни разу в жизни я не слышал, чтобы она кого-то высмеяла, унизила или уколола словом. Даже когда мы, мелкие, выводили ее из себя, она находила такие слова, которые не ранили, а останавливали. Она могла сказать тихо: «Сережа, ты же умный мальчик, подумай, правильно ли ты поступаешь». И после этих слов становилось стыдно так, что хотелось провалиться сквозь землю. Не потому что она ругала, а потому что она верила в нас. В каждого верила.

Ее ум и знания всегда были направлены на одно: помочь, поддержать, научить. Она умела объяснить сложное просто. Помню, как Гарик мучился с математикой, ревел, кидал тетрадки. Сестра села рядом, взяла его руки в свои и сказала: «Смотри, задачка

это как история. У каждого числа есть свой характер, своя судьба. Давай придумаем, что с ними случилось». И Гарик вдруг понял. Потому что она говорила с ним на его языке, языке историй и приключений.

С Зариной они могли часами разговаривать о жизни. Зарина, наша первая внучка, всегда была серьезной не по годам. И сестра находила для нее такие слова, которые помогали Зарине справляться с этой серьезностью, не терять детство. «Ты сильная, говорила сестра, но сильным тоже нужно отдыхать. Разреши себе быть слабой иногда». И Зарина разрешала. Рядом с ней разрешала.

Лере, тихой и задумчивой, сестра дарила слова-одеяла. Теплые, мягкие, укутывающие. Она говорила: «Твоя тишина это твоя сила. Не все должны говорить громко, чтобы быть услышанными». И Лера расцветала от этих слов, как цветок после дождя.

А маленькой Карине, самой младшей, сестра просто пела. И в этих песнях тоже были слова. Самые первые, самые важные: «ты любима», «ты нужна», «ты наша».

Я часто думаю: откуда в ней эта мудрость? Ведь она

совсем не старая. Но когда она говорит, кажется, что с тобой беседует кто-то очень древний, очень глубокий, видевший жизнь во всех ее проявлениях. Наверное, это и есть настоящий ум. Не количество прочитанных книг и не выученные термины. А умение проникать в самую суть вещей и находить те единственные слова, которые лечат душу.

Ее дар это ее речь. И мы, пятеро внуков, выросли в этой речи, как в колыбели. Мы впитали ее с молоком, с воздухом, с каждым сказанным ею словом. И теперь, когда нам трудно, мы слышим ее голос внутри себя. Он говорит: «Все будет хорошо. Ты справишься. Я в тебя верю». И правда, становится легче. Потому что ее слова обладают магией. Самой настоящей.

Мысль, ставшая действием

У нее были удивительные глаза. Не просто красивые, а думающие. Когда она смотрела на тебя, ты чувствовал, что она видит больше, чем просто лицо. Она видит то, что у тебя внутри, то, о чем ты молчишь, то, чего боишься сказать даже себе.

Я часто думаю о том, откуда в ней бралось столько тепла. Ведь она не училась на каких-то особенных курсах, не читала умных книг по психологии, не ездила к гуру за просветлением. Она просто жила и думала. Думала о нас, о бабуле, о тех, кто рядом. И эти мысли сами собой превращались в действия.

Потому что добрые мысли не могут оставаться просто мыслями. Им тесно внутри, они просятся наружу, они хотят согреть кого-то еще.

В нашей семье пятеро внуков, и все такие разные. Я, Серега, старший, вечно требующий внимания и доказательств любви. Зарина, первая внучка, с бабушкиным серьезным взглядом исподлобья и бесконечными вопросами о жизни и смерти. Гарик, вечный двигатель, вечно с разбитыми коленями и желанием про-

верить мир на прочность. Лера, тихая и задумчивая, которая могла часами сидеть и рассматривать облака, слушать тишину. И Карина, наша малышка, появившаяся, когда все уже почти выросли, и ставшая всеобщей любимицей, лучиком света для всей семьи.

И сестра умела находить подход к каждому. Потому что она думала о нас. По-настоящему думала, вникала, чувствовала.

Со мной она была строгой, но справедливой. Когда я ревел от обиды на весь мир, она не сюсюкала, не причитала, не говорила «бедненький». Она садилась рядом, клала руку на плечо и говорила: «Ты же

мужчина, Сережа. Мужчины тоже плачут, но они знают, что потом надо идти дальше». И я вытирал слезы и шел дальше. Потому что она сказала. Потому что она верила, что я могу.

С Зариной у них был свой мир. Зарина могла подойти с вопросом, от которого у любого взрослого пошла бы кругом голова. «А почему небо синее? А куда уходит солнце ночью? А бабуля умрет когда-нибудь?» Другие бы отмахнулись, сказали бы «вырастешь – узнаешь» или «не говори глупостей». Но сестра искала слова. Она думала, как объяснить сложное просто, как не обмануть, но и не испугать. И находила. Она говорила: «Небо синее, потому что оно отражает море, где живут души тех, кого мы любим. А солнце уходит, чтобы дать отдохнуть земле. И мы все когда-нибудь уйдем, но сначала мы будем рядом очень-очень долго». И Зарина кивала и успокаивалась. Потому что это были правильные слова. Слова, рожденные из добрых мыслей о маленькой девочке, которая ищет опору в этом большом мире.

Гарику нужны были другие слова. Короткие, четкие, как команды. Но с теплом внутри. «Больно? Потерпи, я рядом. Ударили? А ты не дерись, ты словами умей. Словами больнее». Гарик не всегда понимал,

как это – словами, но он верил сестре. И постепенно учился. Сначала говорил «отстань», потом «мне обидно», а потом «давай мириться». Это она его научила. Потому что думала о нем, о том, каким он вырастет, если не остановить эту вечную войну.

Лере она дарила тишину. Садилась рядом и молчала вместе с ней. А потом говорила: «Я знаю, что у тебя внутри целый мир. Ты не обязана всем его показывать. Но мне можешь показать». И Лера показывала. Доверяла свои секреты, свои рисунки, свои первые стихи. И сестра никогда не смеялась, никогда не рассказывала никому. Берегла. Потому что думала о том, как хрупка эта тихая девочка и как легко разбить ее доверие.

А Карина... Карина была подарком. Когда она родилась, сестра уже работала воспитателем и знала о детях почти все. Но с Кариной она словно заново училась быть старшей сестрой. Она качала ее на руках и шептала: «Ты самая счастливая, маленькая. У тебя есть сразу все: и бабуля, и я, и Сережа, и Зарина, и Гарик, и Лера. Мы все тебя любим. Ты наша общая». И в этих словах была вся ее доброта, все ее мысли о том, как важно, чтобы самый младший чувствовал себя нужным и защищенным.

И Карина росла в этой любви, как в теплице. Она не знала, что такое одиночество, потому что рядом всегда были мы. Пятеро, которые когда-то сами были маленькими, а теперь нянчили ее, передавая тепло дальше, по цепочке. И в начале этой цепочки всегда была она, наша сестра. Ее мысли, ее забота, ее доброта, ставшая действием.

Сестра закончила педагогический и стала воспитателем. Но мы знали, что она им родилась. Диплом ничего не менял. Она умела слышать детей так, как не умеют даже самые опытные педагоги с сорокалетним стажем. Она знала, когда нужно обнять, когда поругать, а когда просто промолчать и подождать. Потому что она думала о них. О каждом малыше в своей группе она думала так же, как думала о нас.

Ее выпускники, уже взрослые люди, до сих пор приходят к ней в гости, звонят, пишут. Потому что она была для них не просто воспитателем, а человеком, который поверил в них первым. Который видел в них лучшее. Чьи добрые мысли о них стали фундаментом их взрослой жизни.

А еще она очень красивая. Не той красотой, которая

бросается в глаза и быстро надоедает, а той, которая светится изнутри. Это свет ее мыслей. Когда она улыбается, у нее загораются глаза, и вокруг становится светлее. Даже в пасмурный день. Даже когда у нее самой тяжело на душе. Она никогда не показывает нам свою боль, не грузит нас своими проблемами. Она всегда находит силы улыбнуться и спросить: «Как вы? Что у вас? Я скучала». Потому что ее первые мысли всегда о нас. Даже когда ей самой нужна поддержка.

Мы выросли. Разъехались кто куда. У каждого своя жизнь, свои заботы, свои дети. Но когда мы собираемся вместе, все становится как в детстве. Мы снова становимся теми пятью внуками, которые бегают по старому дому, слушают бабулины сказки и ловят каждое слово сестры. Потому что она и есть тот клей, который держит нашу семью. Наш общий свет.

И я знаю, что пока она есть, мы есть. Пока она думает о нас, мы существуем. Пока она говорит, мы слышим. Пока она любит, мы любимы. Это самое главное, что я понял в жизни. Семья – это не кровь. Семья – это тот, чьи мысли всегда с тобой, даже за тысячи километров.

Моя сестра. Ее добрые мысли стали нашими кры-

льями. Мы летаем, потому что она верила, что мы можем. И эта вера, эта доброта, эти мысли живут в нас теперь. И мы передаем их дальше. Своим детям, своим близким, всем, кто рядом.

Потому что так устроена жизнь. Добрые мысли не умирают. Они превращаются в действия, в слова, в поступки. Они разносятся по миру, как солнечные зайчики, и зажигают другие сердца. И все начинается с одного человека, который просто думает о других. По-настоящему думает. По-доброму думает.

Наша сестра. Наш общий свет. Ее мысль, ставшая действием.

Наш общий свет

Пятеро внуков – это целый мир. Разные характеры, разные голоса, разные судьбы, которые только начались. И моя сестра была тем солнцем, вокруг которого вращалась вся эта маленькая вселенная. Наш общий свет.

Я часто думаю о том, как ей это удавалось. Ведь мы все такие разные. Я, Серега, старший и потому, наверное, самый требовательный к вниманию. Зарина, первая внучка, серьезная и глубокая, с бабушкиным взглядом исподлобья. Гарик, вечный двигатель, вечно с разбитыми коленями и горящими глазами. Лера, тихая и задумчивая, которая могла часами сидеть и рассматривать облака. И Карина, наша малышка, которая появилась, когда все уже почти выросли, и стала всеобщей любимицей.

Сестра умела быть разной с каждым. Со мной она была строгой, но справедливой. Когда я в свои шесть лет ревел от обиды на весь мир, она не сюсюкала, а садилась рядом и говорила: «Ты же мужчина, Сережа. Мужчины тоже плачут, но они знают, что потом надо идти дальше». И я вытирал слезы и шел дальше. По-

тому что она сказала.

С Зариной у них был свой мир. Зарина могла подойти к ней с вопросом, от которого у любого взрослого пошла бы кругом голова. «А почему небо синее? А куда уходит солнце ночью? А бабуля умрет когда-нибудь?» И сестра не отмахивалась, не говорила «вырастешь – узнаешь». Она искала слова, чтобы объяснить сложное просто, чтобы не обмануть, но и не испугать. Она говорила: «Небо синее, потому что оно отражает море, где живут души тех, кого мы любим. А солнце уходит, чтобы дать отдохнуть земле. И мы все когда-нибудь уйдем, но сначала мы будем рядом очень-очень долго». И Зарина кивала и успокаивалась. Потому что это были правильные слова.

Гарику нужны были другие слова. Короткие, четкие, как команды. Но с теплом внутри. «Больно? Потерпи, я рядом. Ударили? А ты не дерись, ты словами умей. Словами больнее». Гарик не всегда понимал, как это – словами, но он верил сестре. И постепенно учился. Сначала говорил «отстань», потом «мне обидно», а потом «давай мириться». Это она его научила.

Лере она дарила тишину. Садилась рядом и молчала вместе с ней. А потом говорила: «Я знаю, что у те-

бя внутри целый мир. Ты не обязана всем его показывать. Но мне можешь показать». И Лера показывала. Доверяла свои секреты, свои рисунки, свои первые стихи. И сестра никогда не смеялась, никогда не рассказывала никому. Берегла.

А Карина... Карина была подарком. Когда она родилась, сестра уже работала воспитателем и знала о детях почти все. Но с Кариной она словно заново училась быть старшей сестрой. Она качала ее на руках и шептала: «Ты самая счастливая, маленькая. У тебя есть сразу все: и бабуля, и я, и Сережа, и Зарина, и Гарик, и Лера. Мы все тебя любим. Ты наша общая».

И Карина росла в этой любви, как в теплице. Она не знала, что такое одиночество, потому что рядом всегда были мы. Пятеро, которые когда-то сами были маленькими, а теперь нянчили ее, передавая тепло дальше, по цепочке.

Но знаете, глядя на нее сейчас, такую светлую и теплую, никто бы не догадался, через что ей пришлось пройти. Никто бы не поверил, сколько боли вместило ее сердце.

Я помню тот год, когда все рухнуло. Ей было все-

го двадцать с небольшим. Она только закончила педагогический, но даже не думала работать в садике. Она мечтала о другом. О семье, о детях, о своем доме. Она была влюблена, собиралась замуж. Строила планы, рисовала в голове счастливое будущее. А потом случилось то, что случается часто, но отчего не перестает быть больно. Предательство. Он ушел. Просто взял и ушел к другой, даже не объяснив толком. Разбил ее сердце вдребезги, как ту вазу, которую когда-то разбил я. Только вазу можно склеить, а сердце...

Она не плакала при нас. Ни разу. Только бабуля Надежда потом рассказывала, как по ночам из ее комнаты доносились тихие-тихие всхлипы. Она запиралась в ванной и включала воду, чтобы мы не слышали. А утром выходила с улыбкой, заплетала Зарине косички, кормила Гарика кашей, читала Лере книжки. Держалась. Ради нас держалась.

А потом бабуля Зоя, наша прабабушка, ушла. Та самая, которая пережила войну, которая была стержнем всего нашего рода. Сестра очень любила ее. Бабуля Зоя была для нее примером силы и мудрости. И когда ее не стало, сестра словно надломилась внутри. Но опять не показала. Только глаза стали глубже, темнее, взрослее не по годам.

Следом ушел кто-то еще из близких. Я уже не помню точно, смерть тогда ходила за нами по пятам. Кажется, что мир решил проверить ее на прочность. Сломается или нет.

Она не сломалась.

Помню один вечер. Мы сидели на крыльце старого дома. Закат был красный-красный, как пожар. Сестра смотрела вдаль и молчала. Я подошел, сел рядом. Мне было лет тринадцать, я уже многое понимал. Я спросил: «Как ты держишься?» Она повернулась ко мне, и я впервые увидел в ее глазах слезы. Не пролитые, а стоящие где-то глубоко, на самом дне. Она сказала: «Сережа, если я упаду, вы упадете следом. А мне нельзя, чтобы вы падали. Вы мои крылья».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.